

4. ВЛ. СОЛОВЬЕВ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЯТЕЛИ 80-Х ГОДОВ

(А. А. ФЕТ, И. С. АКСАКОВ,
Н. Н. СТРАХОВ)

Творчество Фета всегда было для Вл. Соловьева чем-то пленительным и поучительным. «Чистая поэзия» Фета вызывала у него неизменную симпатию. И они настолько сблизились, что Вл. Соловьев бывал даже в имени Фета в Воробьевке, проводя время в весьма утешительной, поэтически-творческой обстановке. Фет в то время переводил «Энеиду» Вергилия, и Вл. Соловьев ревностно и с любовью ему в этом помогал. Он писал своему брату Михаилу: «Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день...»²⁹ Если IV песня «Энеиды» переводилась ими совместно, то песни VII, IX и X были переведены самим Вл. Соловьевым. При этом надо заметить, что перевод Вл. Соловьева звучнее и легче переводов Фета. О своем пребывании у Фета Вл. Соловьев так писал сестре Надежде 5 мая 1887 года: «Я вспоминаю о вас, ходя по здешнему парку, и во внимание к вашей заботливости о моем здоровье стал с нынешнего дня пить железную воду из здешнего источника, в котором, по исследованиям знающих людей, столько же железа, сколько в Кавказском железноводском... Я более или менее здоров, продолжаю вести правильный образ жизни. Здесь началась жара с дождями вперемешку, березы и тополи распустились, черемуха цветет, соловьи поют, фонтан плещет...»³⁰.

В июле 1887 года в Воробьевке Вл. Соловьев помогал Фету в композиции его «Вечерних огней», защищая при этом Фета от неумеренной критики Н. Н. Страхова, тоже гостившего в это время в Воробьевке. Характерно, что свою книгу «Вечерние огни» Фет подарил Вл. Соловьеву с надписью: «Зодчему этой книги».

Казалось бы, более счастливой дружбы, чем та, которая была между Вл. Соловьевым и Фетом, нельзя себе и представить. Но вот в чем дело. Фет во многом подражал пантеистической эстетике Гете и, кроме того, любил и даже переводил Шопенгауэра. До тех пор, пока речь шла о «чистой поэзии» и о погружении в мир поэтического освобождения от тревог и страданий жизни, Вл. Соловьев был единомышленником и Гёте, и Шопенгауэра, и Фета.

Вл. Соловьев никогда не был принципиальным пантеистом; и если некоторые моменты его философского и поэтического творчества соприкасаются с пантеизмом, то это либо простая случайность, либо результат неточных формулировок. В основном он всегда был и оставался христианином, и притом православным. Красота природы никогда не имела для него самодовлеющего значения, будучи лишь отдаленным подобием бесконечного божественно-личного совершенства. Фет не любил христианства и

откровенно над ним посмеивался. Для Вл. Соловьева это было тем более неприятно, что Фет оказался отъявленным карьеристом, использовавшим для себя всякие православные и неправославные связи и в конце концов добившимся для себя звания камергера 26 февраля 1889 года при содействии великого князя и поэта Константина Константиновича, который считал Фета своим учителем. Правда, карьеризм Фета был вынужденным и обусловлен был тягчайшими обстоятельствами его личной судьбы. Как к этому должен был относиться Вл. Соловьев, человек всегда либеральный и добросовестный, которому противны были даже намеки на подобные карьерные методы? Вероятно, уже и в 1887 году дело не обошлось без споров на эту тему между Вл. Соловьевым, Фетом и его женой Марьей Петровной. Во всяком случае, по религиозной и православной части Вл. Соловьев и Марья Петровна имели общий язык и выступали сообща, а вот с самим Фетом этого общего языка у Вл. Соловьева здесь не было. На пасху 1887 года, то есть непосредственно перед своим приездом в Воробьевку в 20-х числах апреля, Вл. Соловьев начал свое письмо Фетам от 9 апреля: «Христос воскрес, дорогая Марья Петровна, здравствуйте, дорогой Афанасий Афанасьевич!»³¹ Что же касается камергерства Фета, то отношение Вл. Соловьева к этому обстоятельству достаточно ясно по следующим стихам:

**Жил-был поэт,
Нам всем знаком,
Под старость лет
Стал дураком.**

Однако дело здесь было, конечно, не в дуруности. В 90-х годах, после того, как Фет покончил самоубийством³², Вл. Соловьев уже в самых серьезных тонах с ужасом и жалостью вспоминает свою погибшую дружбу с Фетом, когда сам Фет является ему во сне и обращается с горькой и беспомощной просьбой не забывать о нем. Таковы стихи, посвященные памяти Фета, 1895, 1897 и 1898 годов.

**Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все — как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилкой
Меня не может время помирить?**

**Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он все сказал, что дух ему велел,—
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?..**

**Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.**

16 января 1897

Огромное значение для понимания творческой судьбы Вл. Соловьева имеет и его резкое расхождение со славянофилами в 80-х годах. Расхождение это создавало для

философа какую-то беспокойную внутреннюю атмосферу, поскольку ему приходилось расставаться с близкими для него людьми, часто вызывавшими у него глубокое уважение.

Примером тому может служить полемика Вл. Соловьева с Иваном Сергеевичем Аксаковым, человеком близким и дорогим для философа, началом которой стала статья Вл. Соловьева «О народности и народных делах»³³. Аксаков воспринял эту статью как выступление против дорогой ему национальной идеи и в 6-м номере «Руси» за 1884 год написал резкий ответ философу, обвиняя его в отсутствии любви к России. Весьма необоснованно Аксаков замечал, что слово «любовь» вовсе и не встречается в критикуемой им статье Вл. Соловьева, что это понятие подменяется философом понятиями «верить» и «служить». Вл. Соловьев разъяснил свою позицию в открытом письме И. С. Аксакову («Любовь к народу и русский народный идеал», 1884)³⁴. Ни в коей мере не отрицая значение народности, философ весьма определенно сказал о своем понимании русского национального чувства: «...Силою разума и доброй воли поднимаясь над своею национальной ограниченностью, мы можем лучше пользоваться своею народной особенностью»³⁵. Что же до славянофильского национализма, то «хулить то, что худо, хулить национализм с его самолюбием — не только позволительно, но даже нравственно обязательно»³⁶.

Ради иллюстрации того, с какой тревогой и беспокойством относился Вл. Соловьев к И. С. Аксакову (скончавшемуся в 1886 году), приведем письмо Вл. Соловьева к Анне Федоровне Аксаковой, вдове И. С. Аксакова. С ней философ всегда поддерживал самые дружеские отношения.

Вот что он пишет ей 14 июня 1888 года из Парижа: «По приезде в Париж в первый раз видел во сне Ивана Сергеевича. Очень яркий и, кажется, знаменательный сон. Будто мы с Вами разбирали бумаги и читали печатные корректуры писем И. С. Встретилось какое-то недоразумение, и Вы меня послали на могилу И. С. спросить его самого. Около могилы был недостроенный дом. Я вошел туда и увидел И. С., очень больного. Он позвал меня за собой, и мы перешли в другое здание, огромное и великолепное. Тут И. С. сделался вдруг совсем молодым и цветущим. Он обнял меня и сказал: я и мы, все помогаем тебе. Тут я спросил его: разве Вы не сердитесь на меня, И. С., за то, что я не согласен со славянофильством? Он сказал: да, немного, немного, но это неважно. Потом мы вошли опять в недостроенный дом, и И. С. опять изменился, лицо его сделалось бледно-серым, и он падал от слабости. Я посадил его на красное кресло с колесами, и он сказал: здесь мне нечем дышать, неоткуда жизнь брать, скорее туда: — Тогда я повез его на кресле к великолепному зданию, — но тут меня разбудили. Утром я помнил

больше подробностей этого сна, теперь они сгладились. Это было, должно быть, 27 или 28 апреля...»³⁷

Можно по-разному интерпретировать это сновидение Вл. Соловьева. Но как бы его ни интерпретировать, оно, безусловно, отражает беспокойные и неуверенные настроения Вл. Соловьева в связи с выступлениями против славянофилов.

Приведем еще один факт, свидетельствующий о беспокойном состоянии духа Вл. Соловьева в конце 80-х годов. Дело в том, что он уже давно был в дружеских отношениях с Н. Н. Страховым, одним из крупнейших представителей так называемого почвенничества (весьма близкого к славянофильству) и поклонником Н. Я. Данилевского, известная книга которого «Россия и Европа» впервые появилась в журнале «Заря» в 1869 году, а отдельным изданием — в 1871 году. В статье «Россия и Европа» («Вестник Европы», 1888, № 24) Вл. Соловьев критиковал эту книгу Данилевского, и к тому же острейшим образом³⁸.

Он писал, имея в виду Н. Н. Страхова, «по мнению ее (т. е. книги Данилевского.— А.Ф.Л.) почитателей, книга эта есть «катехизис или кодекс славянофильства»³⁹. Однако, после короткого исторического экскурса Вл. Соловьев весьма определенно отделяет раннее славянофильство (например, Киреевского) от националистических воззрений Данилевского, Страхова и им подобных. «Те утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как носитель всечеловеческого окончательного просвещения; Данилевский же, отрицая всякую общечеловеческую задачу, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом — однако наиболее совершенным и полным...»⁴⁰ Вл. Соловьев не ограничился общими рассуждениями, но дал критический анализ и частных вопросов в книге Данилевского, разобрав его мысли о особой русской, отделенной от европейской, науке, об литературе и так далее⁴¹. Соглашаясь с тем мнением, что «Россия еще довольно крепка физически», Вл. Соловьев призывает не кичиться этой силой и видит истинный патриотизм не в «силе и призвании», но в осознании «грехов России» как собственных грехов, в стремлении избавиться от них⁴².

Н. Н. Страхов, в свою очередь, критиковал («Русский вестник», июнь, 1888) эту оценку книги Н. Я. Данилевского Вл. Соловьевым. И вот теперь Вл. Соловьев вновь опровергает рецензию Н. Н. Страхова и печатает в «Вестнике Европы» (1889, № 1) статью под названием «О грехах и болезнях»⁴³. Весьма иронически отреагировав на объявление его «врагом отечества»⁴⁴, Вл. Соловьев еще раз четко и недвусмысленно определяет свою позицию в споре: «статья «Россия и Европа» была написана на тему о немощах русского просвещения и о пустоте славянофильских претензий»⁴⁵.

Страхов же, «заменяя возражения изобретением»⁴⁶, приписывает ему утверждение «безнравственности принципа народности»⁴⁷. Именно это вынудило Вл. Соловьева окончательно сформулировать восемь главных тезисов «о народности вообще и о России в частности». Они заслуживают и полной их публикации, но здесь, в теме нашего исследования, мы ограничимся лишь первыми двумя. «1. Народность есть положительная сила, и всякий народ имеет право на независимое (от других народов) существование и на свободное развитие своих национальных способностей. 2. Народность есть самый важный фактор природно-человеческой жизни, и развитие национального самосознания есть великий успех в истории человечества»⁴⁸. Национализм же (и славянофильство как его разновидность) Вл. Соловьев определяет как извращение национальной идеи, в нем «народность» превращена в «отрицательное усилие», и «усилие», «опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели»⁴⁹. Философ весьма смело и даже дерзко говорит о том, что в современной ему России истинная национальная идея «находится в подавленном болезненном состоянии и требует коренного исцеления»⁵⁰.

Летом 1890 года Вл. Соловьев пишет вторую статью против Страхова — «Мнима! борьба с Западом» («Русская мысль», 1890, № 8)⁵¹, на которую Страхов ответил статьей в «Новом времени» (1890, № 5231). Наконец, в конце осени того же года последовал новый ответ Вл. Соловьева — «Счастливые мысли Н. Н. Страхова» («Вестник Европы», 1890, № 11)⁵², написанный в столь обидном тоне, что личные отношения между ними испортились окончательно. Что же это за строение, под влиянием которого Вл. Соловьев критикует теперь своего старого приятеля?

В письме брату Михаилу (на обратном пути из Парижа, 16 декабря 1888 года) говорится: «...Страхов, которого я люблю, но которого всегда считал свиньей порядочной, несколько меня не озадачил своей последней мазуркой, и хотя я в печати изругал его как последнего мерзавца, но это несколько не изменит наших интимно-дружеских и даже нежных отношений»⁵³. Как видно, настроения Вл. Соловьева в этом письме, во всяком случае, слишком сложное, чтобы быть спокойным. Это подтверждается и другим письмом к М. М. Стасюлевичу от 7 декабря 1888 года: «Вчера очень торопился отправить конец статьи, даже не перечел как следует. Если найдете какое-нибудь личное обращение слишком грубым или какую-нибудь шутку тяжелой — зачеркните, пожалуйста... Я знаю, что в последнее время и в известных кругах Страхов стал пользоваться чуть ли не авторитетом, и изболчивать его восточные грехи дело, по-моему, не бесполезное, хотя и очень скучное. Это первая и, я надеюсь, последняя статья, в этом роде

мною написанная, и я почувствовал вчера большое облегчение, сдавши на почту последние листы»⁵⁴.

Наконец, большой интерес представляет последнее письмо Вл. Соловьева к Н. Н. Страхову (на этом их переписка прекратилась) от 23 августа 1890 года, написанное вскоре после окончания статьи «Мнимая борьба с Западом» и свидетельствующее о большом теоретическом разногласии при глубокой личной симпатии, хотя, как мы знаем, эта симпатия не помешала охлаждению и последовавшему вскоре окончательному разрыву их отношений. В указанном письме мы читаем:

«Красный Рог, 23 авг. 90.

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевич!

Я хотел и не успел перед Вашим отъездом сказать Вам о своей полемической статье, которая на этих дня должна появиться (или уже появилась) в «Русской Мысли», если только не вмешалась цензура. Хотя мне пришлось многое у Вас одобрить, а за кое-что и горячо похвалить, но в общем, конечно, Вы будете недовольны. Что же делать? В этом споре из-за России и Европы последнее слово, во всяком случае, должно остаться за мной — так написано на звездах. Не сердитесь, голубчик Николай Николаевич, и прочтите внимательно следующее объяснение.

Книга Данилевского всегда была для меня ungeniessbar *, и, во всяком случае, ее прославление Вами и Бестужевым кажется мне непомерным и намеренным преувеличением. Но это, конечно, не причина для меня нападать на нее, и Вы, может быть, помните, что в прежнее время я из дружбы к Вам даже похваливал мимоходом эту книгу, — разумеется, лишь в общих и неопределенных выражениях. Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной страсти Николая Николаевича Страхова, а через то бывшая и мне до некоторой степени любезною, — вдруг становится специальным кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы его лучше поджечь. Вы можете удивляться ошибочности моего взгляда, но убедить меня в ней не можете уже потому, что самая точка зрения, с которой я в этом случае сужу, для Вас совершенно чужда.

...Если это объяснение и не удовлетворит Вас, то, надеюсь, Вы мне поверите на слово, что поддерживать свою позицию в этом споре есть для меня обязанность.

На днях я еду к Фегу, а что дальше — не знаю. Думаю быть в Петербурге в начале зимы, а может быть, и раньше. Будьте здоровы и не сердитесь на душевно преданного Вам

Влад. Соловьева»⁵⁵.

* Неприемлемой (нем.). — Прим. ред.

Н. Н. Страхов умер 26 января 1896 года, но дружеские отношения с Вл. Соловьевым за эти шесть лет у них так и не восстановились.

* * *

В разговоре о взаимоотношениях Вл. Соловьева и В. В. Розанова мы особо отметили всю глубину и неожиданность утверждаемого Розановым сближения Соловьева с шестидесятниками. Такое сближение имеет огромное значение и для эстетики Вл. Соловьева. Ведь именно учение выдающегося революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, его взгляд на прекрасное как на жизнь, какой она должна быть по нашим понятиям, Вл. Соловьев ценил необычайно высоко. Свою статью о Чернышевском философ так и назвал — «Первый шаг к положительной эстетике». Необходимо прибавить также, что и весь родительский дом Вл. Соловьева с неизменным уважением относился к личности и судьбе Чернышевского. А когда сын Чернышевского после смерти своего отца обратился к Вл. Соловьеву с просьбой написать воспоминания о Чернышевском, то Вл. Соловьев написал эти воспоминания в самой искренней, в самой сердечной форме с полным учетом величия личности и деятельности Чернышевского.

Конечно, это не дает никаких оснований говорить о революционных устремлениях Вл. Соловьева, но еще раз подчеркивает тот факт, что философ был чужд всякой односторонности. Это замечание нам важно еще и потому, что у некоторых читателей Вл. Соловьева может сложиться мнение о резко определенной ориентации философа на Запад. Это совершенно неверно. Западничество было для него тоже слишком односторонней, рассудочной теорией. Недаром, отправляясь однажды на Запад, он сказал, что едет в нужник. Кроме того, резко расходясь со славянофилами в их невнимании ко всем язвам русского прошлого, Вл. Соловьев резко расходился и с западниками в их невнимании к специфическому лицу русского народа. Россия для него ни с малейшей стороны не является славянофильским апофеозом старины. Но она для него никогда не была также и безразличным конгломератом и простой ареной для западной и чисто буржуазной цивилизации. При всем том важно, что Вл. Соловьев сердечно любил Россию, всегда питал патриотические чувства, всегда критиковал царское правительство за угнетение отдельных народностей и мечтал о великом будущем России, даже об огромной международной роли России, но, правда, как только свободной семьи народов. Прошлое и настоящее России было ему иной раз настолько невыносимы, что он одно время рвался из православия в католицизм, и в католицизме он в конце концов разочаровался. И не находя опоры ни в прошлом, ни в настоящем России, он стал строить

какие-то невообразимые теократические утопии, в которых Россия по-прежнему оставалась у него ведущей страной мирового значения.

Правда, Вл. Соловьев не удержался и на этом пути. Расстроенный неурядицами на своей родине (а в западные идеалы он вообще никогда не верил, и еще в первой диссертации доказывал обреченность Запада), встретивший небывалый отпор и часто просто даже невнимание и насмешливость по поводу своих утопий и, наконец, сломленный преждевременным физическим истощением, Вл. Соловьев скончался в сознании своего полного бессилия.

Если мы внимательно присмотримся к судьбе Вл. Соловьева, то мы ясно поймем, что он всегда и везде был искателем, неутомимым борцом против всякого рода несправедливостей и энтузиастом, верящим в наступление лучших времен. Причем в этих своих стремлениях он доходил до дерзостей, граничащих с безумием. После убийства Александра II в 1881 году никто из демократических, прогрессивно настроенных политических деятелей не осмелился публично выступить с требованием помиловать народолюбцев. Эту опасную миссию взял на себя именно Вл. Соловьев, обратившись к царю с таким требованием в публичной лекции. Более того, в письме к Александру III, в котором философ разъяснял смысл своей речи, он еще раз призвал монарха «помиловать врагов своей власти». Ряд своих важных трудов, безусловно религиозного содержания, Вл. Соловьев не мог печатать в России

именно из-за их критического пафоса, направленного против официальной церкви. Они печатались за границей по-французски, и только после революции 1905 года стал возможен сам вопрос об их переводе на русский язык. Дело в том, что в этих своих книгах Вл. Соловьев допускал такую критику режима Победоносцева и Дм. Толстого, что ходили упорные слухи о ссылке философа на Соловки. Еще более уничтожающей, доходящей до грубости критике Вл. Соловьев подвергал царскую политику в письмах. Так, в послании к М. М. Стасюлевичу (1886 года) он писал об этой политике как о «политике замороженного говна», которая «держится только зловредным триумвиратом из лжецерковника П. (Победоносцева К. П.—А. Ф. Л.), лжегосударственного человека Т. (Д. А. Толстого.—А. Ф. Л.) и лжепророка К. (Н. М. Каткова.—А. Ф. Л.)»⁵⁰.

Трудно вообразить более убедительное свидетельство искренней и бескомпромиссной позиции Вл. Соловьева.

Все приведенные выше материалы, показывающие накал полемики о самых важных, окончательных для судьбы России вопросах, четкость и определенность воззрений Вл. Соловьева и даже то, что, несмотря на свою природную доброжелательность, он часто спорил в самых резких тонах, убеждают в том, что Вл. Соловьев был вполне серьезен, когда, отвечая на шуточную анкету в «Альбоме Признаний» Т. Л. Сухотиной, главной человеческой добродетелью назвал правдивость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Собрание сочинений В. С. Соловьева, 2-е изд. Спб., б/г, т. I—X (далее везде—Соловьев), т. VI, с. 480; 2. Соловьев, IX, с. 292; 3. Соловьев, VI, с. 430, 433; 4. Соловьев, VI, с. 443; 5. Письма Владимира Сергеевича Соловьева, тт. 1—3. Спб., 1908—1911, (далее везде—Письма), т. III, с. 43—54; 6. Письма, III, с. 47; 7. Голлербах Э. Владимир Соловьев и Розанов.—В сб.: Стрелец, сб. III. Спб., 1922, с. 124—143 (далее везде—Голлербах); 8. Голлербах, с. 124; 9. Голлербах, с. 129; 10. Голлербах, с. 125; 11. Розанов В. В. Из старых писем. Письма Владимира Сергеевича Соловьева.—«Вопросы жизни», 1905, октябрь—ноябрь, с. 389—390. (Эта публикация Розанова содержит ряд писем Вл. Соловьева, которые снабжены весьма интересными комментариями.—А. Ф. Л.); 12. Голлербах, с. 127; 13. Голлербах, с. 131; 14. Голлербах, с. 130; 15. Голлербах, с. 131; 16. Голлербах, с. 132; 17. Голлербах, с. 132; 18. Голлербах, с. 137; 19. Голлербах, с. 137; 20. Соловьев, VI, с. 430; 21. Соловьев, VI, с. 430; 22. Голлербах, с. 139; 23. Голлербах, с. 139; 24. Голлербах, с. 142; 25. Голлербах, с. 143; 26. Голлербах, с. 143; 27. Розанов В. В. Около церковных стен. М., 1906, т. 1, с. 239—242; 28. Со-

ловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977, с. 327; 29. Вл. Соловьев. Письма, Пб., 1923, т. IV, с. 106; 30. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч., с. 266; 31. Письма, III, с. 115; 32. О самоубийстве Фета обычно не говорится. О необычном характере этого самоубийства трактуют: Федина В. С., А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике. Пг., 1915, с. 47—53; Благой Д. Д. Мир как красота (статья в изд.: Фет А. А. Вечерние огни. М., 1971, с. 630); 33. Соловьев, V, с. 24—38; 34. Соловьев, V, с. 39—57; 35. Соловьев, V, с. 44; 36. Соловьев, V, с. 51; 37. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч., с. 278; 38. Соловьев, V, с. 82—147; 39. Соловьев, V, с. 84; 40. Соловьев, V, с. 90; 41. Соловьев, V, с. 103; 42. Соловьев, V, с. 147; 43. Соловьев, V, с. 267—286; 44. Соловьев, V, с. 267; 45. Соловьев, V, с. 267; 46. Соловьев, V, с. 272; 47. Соловьев, V, с. 270; 48. Соловьев, V, с. 272; 49. Соловьев, V, с. 272—273; 50. Соловьев, V, с. 273; 51. Соловьев, V, с. 287—311; 52. Соловьев, V, с. 312—319; 53. Вл. Соловьев. Письма. Пб., 1923, т. IV, с. 118; 54. Соловьев, Письма. Пб., 1923, т. IV, с. 39—40; 55. Письма, с. 59—60; 56. Вл. Соловьев. Письма. Пб., 1923, т. IV, с. 30.